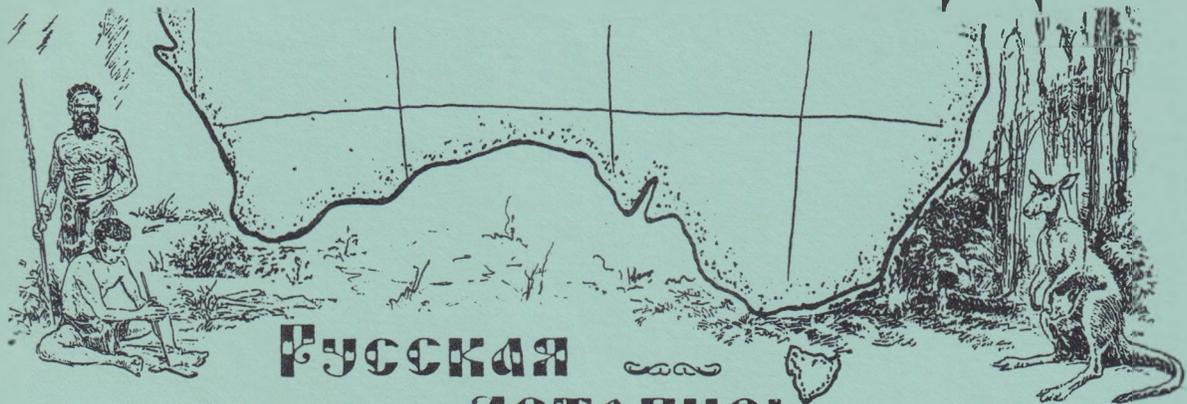

АВСТРАЛИАДА

Русская
ИСТОРИЯ

СИДНЕЙ

1997 г.

С ДРУГОГО БЕРЕГА

Елена ГОВОР, Владимир КАБО

АВСТРАЛИЙСКИЕ ЗЕМЛЯ И ДОМ ГЛАЗАМИ МОСКВИЧЕЙ

В отличие от русских путешественников прошлого века, которые перебрали все возможные отрицательные эпитеты, описывая "унылый" австралийский ландшафт, нас австралийская земля покорила с первого взгляда. Мы, двое москвичей, только что оставили позади пыльную, замусоренную Москву с ее толчеей, угрюмыми, усталыми обитателями, пустыми полками магазинов—шел август 1990 года. Автобус с веселым шофером мчал нас из Сиднея в Канберру по старой дороге. Реки в горных ущельях, наполненные солнечным светом эвкалиптовые леса, одинокие фермы, ветряки... В этом мире правили три цвета—серо-зеленый цвет растительности, темно-голубой—неба и золотой—цветущей акации. Казалось, сам Бог создал для австралийской земли этот "унылый" серо-зеленый цвет, чтобы смягчить, уравновесить неправдоподобно яркие золото и синеву. Потом мы обнаружили, что на эту палитру ложится и четвертый цвет—кирпично-красный цвет австралийской почвы. Но не только в необычном сочетании цветов была тайна австралийской земли. Мы, люди конца 20 столетия, смотрим на природу Австралии иными глазами. Наше восприятие резко отличается от восприятия людей прошлого века. Наше зрение воспитано иначе. Происходит это во многом вследствие того, что за истекшее столетие австралийская культура—фольклор, поэзия, художественная проза, изобразительное искусство, история и этнография—наработали тот пласт ассоциаций, который делает австралийский пейзаж феноменом культуры. Мы видим не просто своеобразную красоту в том, что казалось прежде унылым и однообразным, пейзаж этот насыщен для нас множеством ассоциаций—литературных, художественных, исторических.

Формирование самосознания австралийцев как особой нации произошло на рубеже 19-20 веков. Особая роль в этом принадлежала австралийской земле, австралийскому пейзажу. Английское слово *bush* (кустарник, заросли) приобрело в Австралии новое, символическое значение. Буш, покрывающий огромную часть континента, стал социально-психологическим феноменом, символом "австралийскости". Буш—это оппозиция городу, да и, пожалуй, всей старой Европе, это особый стиль жизни и отношений, воспетый австралийскими писателями и поэтами. Из них русским читателям хорошо известно творчество Генри Лоусона. В своем гимне австралийской свободе он провозглашал:

Не для Свободы—роскошь, блеск,
Придворные регалии,
Ей по душе колючий лес
И пастбища Австралии.

("Свобода в скитаниях". Перевод М.Зенкевича).

По мере того как английские переселенцы становились австралийцами, они учились любить свою землю и природу такой, как она есть; они ощущали глубокую, интимную связь с нею и находили новые образы для ее выражения. Манифестом этого нового отношения к Австралии стало стихотворение Доротеи Маккелар "Моя страна", написанное в начале нынешнего века:

Любовь к тенистым рощам
И ласковым лесам,
К подстриженным лужайкам,
К туманным небесам,

Любовь к цветам садовым
И травам на лугу,
К дорожкам и тропинкам
Делить я не могу.

Я дочь горбатой, рыжей,
Обугленной страны,
И мне твои газоны
И рощи не нужны.
Люблю закат огромный,
Огнисто-кровяной,
Люблю красу и ужас
Моей земли родной;

Сапфировые горы,
Спаленные жарой,
Трагические дебри
С ободранной корой,
Железные лианы,
Колючие кусты,
Ползущие по веткам
Зловещие цветы...

(Перевод А.Штейнберга)

Когда мы смотрим на картины художников первой половины 19 века, пытавшихся изобразить Австралию, нам нередко кажется, что перед нами романтические пейзажи Швейцарии, леса Южной Германии, побережье Средиземного моря. Только черные фигуры дикарей напоминают о том, что это все же Австралия. Над творчеством художников господствовали стереотипы, свойственные европейскому мировосприятию того времени. Совсем другой увидели Австралию художники конца прошлого—начала нынешнего века, мастера так называемой гейдельбергской школы. Они почувствовали подлинное очарование австралийского пейзажа, его безыскусственную красоту. Краски вечернего неба над холмами, обнаженные стволы эвкалиптов, одинокая хижина лесоруба... Одиночество—характерная черта австралийского пейзажа.

Наряду с прозаиками и поэтами, австралийские художники совершили революцию в сознании австралийцев, в восприятии ими своей страны.

Наша первая встреча с Австралией сопровождалась почти мистическим чувством узнавания, возвращения на давно знакомую землю. Быть может поразила новизной лишь Канберра—город, с необычайным мастерством и тактом вписанный в окружающий ландшафт и ставший как бы его продолжением. Искусственное озеро привольно и живописно легло в долине, в самом центре города. Горы видны из любой точки города, куски дикой природы перемежаются со стоящими в садах коттеджами, прозрачный, наполненный солнечным светом лес—в нескольких шагах от вашего дома, даже резкие, непривычные для европейского уха голоса птиц—все помогает человеку противостоять житейской суете и напоминает ему о большом и по-своему прекрасном мире вокруг. Имя этому миру—Австралия.

Канберра символизирует единство австралийского дома и земли, на которой он стоит. Может быть, нигде это единство не ощущается так сильно, как здесь. Но это не делает Канберру исключением. Живя в Австралии, мы лишь укрепились в мысли, что страна эта стала для очень многих австралийцев таким же домом, каким была для их предков Европа или Азия. Домом в глубинном смысле этого слова: не просто местом обитания, а убежищем. И может ли такое чувство быть чуждым людям, которые искали и обрели на этой земле убежище—если не они сами, то их отцы и деды?

Освоить эту землю стоило невероятных усилий. Труд людей, сумевших сделать это, был поистине героическим, и значительная часть континента все еще не освоена человеком. Но тем дороже для австралийца его дом и пространство вокруг, отвоеванные у буша, у пустыни. В отличие от других стран мира, подавляющее большинство жителей Австралии, включая и городское население, живет в своих домах, окруженных кусками природы, в которую вложены и огромный труд, и любовь. Пресловутая английская лужайка—только часть пейзажа. Какую глубокую привязанность обнаруживают австралийцы к этим, казалось бы, неказистым туземным растениям, которые они любовно культивируют в своих садах и парках!

Земля, в которую вложено столько труда, столько страсти, надежд и нередко разочарований, с которой сопряжено уже столько дорогих воспоминаний, столько литературных, поэтических, художественных ассоциаций, земля эта поистине одухотворена, очеловечена. Она связана с австралийским домом и населяющими его людьми духовными и эмоциональными узами.

Австралийский дом и окружающее его пространство не просто вырваны у природы—они отделены зримой и, быть может, еще более прочной—незримой стеной от непрошенного вторжения общества и государства. Английская традиция внесла в жизнь австралийцев то, что может быть выражено понятием *privacy, private*—нечто личное, закрытое, отъединенное от остального мира. Мой дом—моя крепость, мое убежище.

Нередко можно слышать от австралийских и европейских интеллектуалов, что в Австралии нет единого народа, что людей здесь не объединяют ни общность культурного наследия, ни общие духовные ценности, некоторые даже готовы противопоставить им Россию как эталон духовности и цельности нации. На наш взгляд, эти интеллектуалы вольно или невольно идеализируют жителей нынешней России и несправедливы к австралийцам.

В России давно уже—по крайней мере с культурной революции Петра I—глубокая пропасть отделила привилегированные и образованные сословия—дворянство, правящую бюрократию, интеллигенцию—от остального населения страны. Сословия эти жили как бы в разных культурных мирах. Коммунистический режим, который руководствовался вечным принципом "разделяй и властвуй", еще более разобщил людей, противопоставил партийно-бюрократическую верхушку остальному народу, одну нацию другой. Русскому интеллигенту, кажется, легче найти общий язык с цивилизованным европейцем, американцем или австралийцем, чем с очень многими людьми, которые живут рядом с ним, в одной с ним стране. С людьми, вырванными из почвы, утратившими связи с культурными, духовными традициями собственного народа, превратившимися в духовных люмпенов.

В наше время эта пропасть сохраняется—теперь она пролегла между крупными городами, особенно Москвой, населению которых доступны многие блага современной цивилизации,—жизненный уровень его выше, оно в целом лучше информировано, лучше питается,—и остальной Россией, деревенской и провинциальной. В Австралии, напротив, разрыв в качестве жизни между большими городами и провинцией все более стирается.

Россию разрывают глубокие противоречия—политические, культурные, национальные. Да, Россия—многонациональная страна, такая же, как и Австралия. Разница, и существенная, в том, что Австралия, в отличие от России,—страна иммигрантов. Почти все они искали и нашли в Австралии свой дом, которого многие из них не имели на родине. Они нашли здесь дом—*home*, а не жилище—*house*; жилище у них было и там, откуда они пришли. Австралия гордится тем, что представители многих этнокультурных традиций мира живут рядом как добрые соседи, обогащая общую австралийскую культуру. О таком гармоничном процессе взаимного культурного обогащения, о таком мирном, не-насильственном сосуществовании народов Россия может лишь мечтать.

В отличие от Австралии, многие люди в России не имеют дома в том смысле, о котором мы говорим, они не чувствуют себя в безопасности, не видят в своей стране будущего для себя и своих детей. Статистика эмиграционных потоков говорит об этом красноречивее слов.

Еще глубже, сокровеннее связаны с землей Австралии ее аборигены. Сама земля была их домом. Она стала им за много тысячелетий до прихода европейцев. Земля была для аборигенов не только источником средств существования, но и храмом. Центром их духовной вселенной было то, что аборигены называют словом *Dreamtime*. Это—особое, мифологическое время, которое течет независимо от обыденного, исторического времени, оно не предшествует ему, а пронизывает его. В отличие от нас, аборигены живут одновременно в двух измерениях—в повседневном и мифологическом времени. События мифологического времени, когда создавался мир, запечатленные в святилищах, расположенных на племенной земле, все еще сохраняют для аборигенов свое значение, по-прежнему одухотворяют мир, наполняют его жизнью и смыслом. Во многих местах Австралии подростков,

как и прежде, "уводят в буш", и там они проходят, под руководством стариков, обряды инициации, в которых самоутверждаются как наследники древней культурной традиции—одной из древнейших в мире. Она воспроизводится с каждым новым поколением, и так происходит повсюду, где аборигены стремятся сохранить себя как народ. Потому что народ—это не просто совокупность людей, населяющих некое географическое пространство и говорящих на взаимопонятном языке, но и духовное пространство, это обладатели единого духовного наследия, общих духовных ценностей.

В Канберре, в Институте по изучению аборигенов, мы познакомились с Айрис Клейтон. Среди ее предков были аборигены, были англичане, даже индийцы, в детстве ее забрали у матери и воспитывали в интернате, но она считает себя аборигенкой. На берегу реки Маррамбиджи—там, где когда-то жили ее предки,—она купила землю и поставила там свой дом. Здесь, на этой земле, она рассказывает внукам мифы и легенды, услышанные ею в детстве, она рассказывает их на берегу реки, где ее предки охотились и ловили рыбу, где происходило все то, о чем говорится в ее рассказах. Она хочет, чтобы ее внуки поняли главное: эта земля—их дом, человек должен жить на своей земле, в своем доме.

В СССР десятилетиями писали о том, что аборигены Австралии физически вымирают и духовно деградируют. Между тем последние годы ознаменовались как бы внезапным—как вспышка, как рождение новой звезды—расцветом духовной культуры аборигенов. И ярче всего это выразилось в изобразительном искусстве, поражающем своей сложностью, философичностью, насыщенностью символами. В символике картин художников-аборигенов зашифровано их представление о доме, о земле, о космосе.

Человеку, воспитанному в традициях европейской живописи, нелегко проникнуть в мир образов художника-аборигена, который стремится выразить не только то, что он видит в окружающем его мире, но прежде всего то, что он знает о нем, то, что он прозревает в нем своим внутренним зрением. Он стремится выразить не видимость мира, а его сущность. В его картинах за миром видимых явлений скрыт иной мир, интимными, таинственными узами связывающий художника с его предками, реальными или мифическими, с его землей.

Еще недавно мир восхищался картинами аборигена из племени аранда Альберта Наматжиры и других художников его школы. Их искусство раскрыло миру красоту Центральной Австралии—гор Макдоннел, эвкалиптов, подобных белым привидениям. Это были реалистические пейзажи, выполненные средствами европейской живописи, прекрасные, но лишенные тайны. Нынешние художники-аборигены наполнили новую жизнь художественное наследие своего народа, преобразив его выразительные возможности, раскрыв всему миру богатство и сложность своего мировоззрения.

Через все искусство аборигенов, как и через всю их духовную культуру, их традиционную религию, проходит одна, главная тема—связь с землей. Связь и мистическая, и вполне реальная, имеющая для них жизненно важное значение. Она затрагивает теперь интересы очень многих австралийцев, как аборигенов, так и не-аборигенов, и становится одним из важнейших вопросов государственной политики. Связь аборигенов с землей из области этнографии перешла в сферу практическую, политическую, юридическую; этой жгучей темой живет теперь вся страна.

Древняя земля Австралии десятки тысячелетий была домом для аборигенов. На протяжении последних двухсот лет она стала им и для людей из многих стран Европы и Азии. Мы верим, что и новые австралийцы, и аборигены найдут пути для совместной жизни в этом едином доме. Символическим кажется, что гора Айрес-Рок, ставшая олицетворением Австралии, ее суровой красоты и подвига белых исследователей, вернула свое древнее название Улуру.

...Когда безбрежной пустынной равниной приближаешься к этой гигантской скале, она постепенно возникает как остров в океане. И по мере

того как солнце склоняется к закату, скала меняет свой цвет: только что она пылала, как раскаленный уголь, а теперь все более лиловет, словно покрываясь пеплом. Скала была священным центром мироздания аборигенов, стены ее пещер все еще покрыты их священными рисунками, а вокруг громоздятся другие скалы, в которые превратились когда-то герои мифов. Аборигены и сегодня совершают здесь обряды, обучают иницируемых подростков, и многие пещеры запретны для посторонних. Улуру—это ось мира, географического, ибо континент как бы вращается вокруг нее, и духовного, того, в котором жили бесчисленные поколения аборигенов и который теперь пытаются постичь многие австралийцы.

О СОЗДАНИИ ЦЕРКВЕЙ

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПЕРИОД

К 1948-му году в Австралии было всего 4 священнослужителя: архимандрит о.Феодор Пудашкин, заштатный больной архимандрит о.Мефодий Шлемин, протоиерей о. Валентин Антоньев, заштатный священник о. Иннокентий Серышев, и два прихода - в Брисбене и Сиднее.

Вскоре после назначения архимандрита о.Феодора Пудашкина настоятелем св. Владимирского храма Архиерейский Синод РПЦЗ в Мюнхене определяет 2 декабря 1945 года (некоторые источники указывают конец 1946 г. *И.С.*) преосвященного епископа Феодора (Рафальского) правящим епископом Австралийской епархии с титулом Сиднейского и Австралийского. Это было вызвано тем фактом, что после окончания войны, в Австралии, среди других стран, начали сначала небольшими группами, а затем и большими партиями прибывать беженцы из Европы, главным образом из Германии. Назывались они ДиПи (*Displaced persons - перемещенные лица*), и среди них был большой процент православных. Для этих перемещенных лиц были организованы австралийским правительством лагеря, из которых потом многим удалось с помощью правительства переселиться в большие города, где им была предоставлена работа по контракту. Начали возникать в главных городах штатов общины, да и в лагерях русские православные люди стали объединяться в группы для общей молитвы. Священников для обслуживания этих общин сначала не было, как и не было никакого руководящего центра для организации религиозной работы среди русских православных жителей страны.

Хиротонисанный в 1942 году во епископа Таганрогского, владыка Феодор после эвакуации в 1944 г. в Германию вошел вместе с архиепископом Пантелеймоном и тремя епископами автономной церкви на Украине в состав Зарубежной Православной Церкви и вскоре получил направление в Австралию.

Со второй половины 1948 г. наплыв беженцев увеличился еще больше. Вместе с очередной волной иммигрантов прибыл в Австралию 5-го ноября и владыка Феодор. Вместе с ним приехал протодиакон о.Петр Гришаев. Так как только в Брисбенском св. Николаевском приходе был оборудован Архиерейский дом и была действующая церковь, то владыка Феодор, после вступления в управление новооснованной епархией, избрал Брисбен своей резиденцией, где учредил Архиерейскую Кафедру. Св. Николаевский храм стал называться Кафедральным Собором.

Вскоре начали прибывать в Австралию русские беженцы и с Дальнего Востока. Среди них оказалось несколько священников. Большинство из новоприбывших россиян осело на юге страны, в Сиднее, Мельбурне, Аделаиде, так как там появилась возможность найти работу. Существовавшие там русские православные общины стали пополняться новоприбывшими, а священники, становясь во главе этих общин, начали организацию этих приходов Русской Православной Церкви Заграницей.

С увеличением количества создаваемых на юге страны приходов появилась необходимость размещения архиерейской кафедры ближе к географическому центру новообразованной епархии. Владыка Феодор решает перенести свою резиденцию в Сидней и поселяется в доме, где была создана первая в Сиднее домовая церковь св. Владимира в Сентенниал Парке. С переездом вл. Феодора, этот дом становится резиденцией правящего архиерея. Приехавший ранее в Сидней протодиакон о. Константин Набережский был рукоположен во иереи.

В ноябре 1949 г. из Синода пришел указ о возведении владыки Феодора в сан Архиепископа с титулом Сиднейского и Австралийско-Новозеландского. В помощь себе владыка Феодор приглашает настоятеля большого прихода в г. Аугсбурге о. Феодора Михалюка, совсем недавно, в конце 1944 года, принявшего "на свои рамена тяжелое бремя Православного священника" после смерти жены. О.Феодор приезжает в Австралию в декабре 1949 г. и сразу же включается в церковную работу, став главным сотрудником Архиепископа Феодора. Вскоре о. Феодор назначается Благодичным всей Австралии. Владыка Феодор берет на себя настоятельство над св. Владимирским храмом. Таким образом, единственный оборудованный православный храм города Сидней - маленькая домовая церковь во имя св. Великого Князя Владимира - становится центром епархиальной жизни Австралии. Административный период прихода можно считать закончившимся в конце 1949 года.

ИННОКЕНТИЙ СУВОРОВ